

**Ефим “Фима” Герштейн
(Yefim “Fima” Gershteyn)**

**Стихотворения
(С января 2024)**

Об авторе

Родился в 1956 г. в Беларуси. Доктор экономических наук. С 1994 г. вместе с женой Мариной и сыном Вадимом (философ, доктор наук) живёт в США. Долгое время работал руководителем отдела в крупной фармацевтической компании. Автор публикаций в области экономики, политики, статистического программирования на русском и английском языках. Стихи пишет с 16 лет.

The author was born in 1956 in Belarus. Holds a Dr. Sci. degree in Economics. Since 1994, has been living in the US, with his wife Marina and their son Vadim (a Ph.D. philosopher). For a long time, he worked in leadership positions at a global pharmaceutical company. Authored numerous publications in Russian and English in economics, political analysis, and statistical programming. Has been writing poems since 16.

Содержание

Круг	1
Хожу не туда	3
Мне так легче	4
Прогулка - 6	10
Запинка	15
Победители	16
Утренний сон	20
Триптих	24
Прощение	25
Венеция	26
Наполовину	31
Savannah, Georgia	32
Портрет - 6	34
Из камня ...	35
Не заходи за черту ...	36
Дождь	37
Вряд ли изменится ...	38
Предпочтения	40
Сторожевая будка	47
Песни	53
Пробоина	55
Руки	56
Уже нечасто звоню друзьям ...	57

Круг

Прижаться
согреться
и не отпускать
потом незаметно
уснуть
оказаться
в привычном теперь
частом сне
которого
суть
в том что с теми
кто близок
опаздываешь
на самолет
потому что
неправильно
время считал
или время
не так идёт

а потом
проснуться
и медленно понимать
что неважно
и некуда
опоздать

и многих нет уже
с кем опаздывал
вместе

но радоваться что
еще тепло
и сожалеть
что отпустил
её
и вздрогнуть
а что если
и посмотреть
рядом ли она

успокоится
но больше уже
не заснуть
до утра
до света
входящего медленно
из окна

а днем
вспомнить снова
что мог самолёт улететь
без меня
без нас
и без них
может все же
и не улетел
но этого не узнать
пытаться
воспоминания гнать
пока смутный страх
глубоко
не проник
тысячью мелких
стрел

и ночи ждать
скорей темноты
вошедшей
через
то же
стекло
и спрятаться
в ту же кровать
чтобы прижаться
согреться
и не отпускать
ее и тепло
опять

Январь 2024

Хожу не туда

Хожу не туда, и пою я не с теми,
И путаю в песнях нещадно слова;
Ещё что бывает - не чувствую время,
Когда так уйти, чтоб заметно едва.

На светлом, уже подмороженном снеге,
Не в сторону ту, и неровны следы;
Повёрнуты снова туда, где я с Ней был,
Хоть знаю, что там - ожиданье беды.

На соснах и елях помечены стрелки:
Чтоб выйти из чащи, чтоб путь не забыл.
Я следую им, хоть и знаю, как мелко
Там всё, и нет тех, кто был дорог и мил.

Написаны буквы; в слова не ложатся:
Наверно, давно позабытый язык.
Понять всё равно продолжаю пытаться,
Хоть знаю - напрасно, но как-то привык.

Привык всё ж идти, и на что-то надеюсь,
На грабли ступать, получая по лбу,
И так себя чувствую вечно при деле,
Замедлить немного стараясь ходьбу.

Январь 2024

Мне так легче

Я заставил тебя пропасть
Если не вижу
не слышу тебя
не ожидаю ответ
не позволяю тобой
до безрассудства
увлечься
не глажу твою руку
не целую лицо
значит тебя нет
И мне так легче

Я когда-то читал
о теории
если чего-то
не чувствуешь
не знаешь о чём-то
то этого нет
сейчас
и не было
в истории
пустота
вымело
смерчем
я хочу верить этому
Мне так легче

Тебя нет
Я не знаю того
или тех
кто может сказать
другое
кто видит тебя
слышит
гладит руку
целует твое лицо
Я заставил
их тоже пропасть
или превратиться
в глухих
и в слепцов
значит их нет
во всяком случае
они не с тобою

Я уничтожил этот
городок
тёмное
холодное
мелкое море
шлифующее
песок
рестораны
сосны
воздух
нежность
извлеченную
у него
Я не знаю
что там теперь
значит там нет
ничего

Я уничтожил
то время
и его больше нет
Оно исчезло
вместе с тобою
им или ими
городком
которого имя
пропало вкупе
с уже никаким
языком
Я делаю со временем
все что хочу
Оно моё
оно обволакивало
пьянящей
мглой
лишь потому
что в нем звучал голос
твой
Но он исчез
как и лес
в цвете
желтом
а вечером
в синем
и туда
не войти мне
не пролезть мне
Время ушло
вместе
с городом,
с морем
с тобою
с ним или с ними
Так легче

Но физик сказал
что время
это что-то
другое
оно должно
измеряться
изменяться
независимо
от меня
должно
быть описано
в четком
законе
вместе
с пространством
Может поэтому
оно ускорялось тогда
а я был за ним
в погоне
я пытался
его растянуть
не получалась
наверно не знал
по закону
единственный путь
не знал
уравнения
впрочем
я все равно
уже в другом
измерении

А там
время зависло
на окружности
черной дыры
или просто
пропало
и дыру эту
в памяти
по законам
природы
а скорее
какой-то
тягучей
игры
я копаю
копаю
копаю

Я заставил тебя пропасть
Тебя не найти нигде
ни в городе том у моря
ни в лесу
ни в заброшенной точке
пространства
и ни во времени
которое
то ли расширилось
то ли сжалось
или застыло
в тупом
постоянстве
или вовсе
не Было
ни с нами
ни с ним и ни с ними
и это не в радость
уже и не
в жалость

это уже не зависит
ни от чего
от меня или них
и даже
ни от него
здесь нету
причин и условий
я не могу не хочу
их найти

Категорический императив

Я заставил тебя пропасть
Этого не изменить
Я не вижу не слышу
и пытаюсь не помнить тебя
и безжалостно
память
калеча
продолжаю себе
говорить

Мне так легче

Январь 2024

Прогулка - 6

Ещё одна прогулка в череде
ничем не примечательных прогулок.
Один маршрут почти что каждый день:
привычная тропа под неизбежным дулом,

прикрытым серой пеной облаков,
остатков логики сухой защитой.
Но пистолет из памяти кусков
нацелен всё равно, пусть и слегка дрожит он.

Заряжен кадрами из старых дней,
где говорю не то и убегаю,
когда стоять бы надо, и смелей,
а фраза быть должна была совсем другая.

Потом ещё: неловкий странный жест
и робко-виноватая улыбка:
ответ на взгляд холодный, будто жечь;
растерянность в лице - еще одна ошибка.

И по-другому: взгляд жестяной мой;
жалел потом, сейчас опять вкатилось.
Когда сказать бы надо - был немой,
молчал с упорством - хоть и слово так просилось.

Немногое в защитной скорлупе
зарылось в землю и в тиши уснуло
на этой мною столь исхоженной тропе:
моменты, речи, лица - всё под тёмным дулом.

Спокойный, безразличный редкий лес
услужливо расставить помогает
всё новые мишени без завес,
и в память бьёт по ним, и точно попадает.

За темным дубом комната в огнях,
где я в углу с чуть отрешённым взглядом,
как если бы сейчас искал в корнях
причины: почему их мало - тех, кто рядом.

Их, кажется, так просто отыскать,
теперь, в лесу, столь явственны причины:
молчание иль слово; опоздать
иль не придти на встречу с головой повинной,

повесить трубку, номер не набрать,
зачем-то ждать потом звонка подспудно.
Но поменялись номера, и вспять
уже не повернуть. Совсем. Не просто трудно.

И будто прозвенел звонок иной,
прервав в кроссовках шага звук скрипящий,
ударил, чтоб напомнить: да, со мной
всё было в прошлом, но и как бы в настоящем.

... Фигура в ярко-красном вдалеке,
и снова в память хлопающий выстрел.
Не то, чтоб стало мокро на щеке,
а просто на секунду всё вокруг зависло.

И я застыл, остановив свой шаг,
как будто раненый иной фигурой,
и голосом её тогда в ушах,
и резонансом, повторённым лесом хмурым.

Застыл, представил сцену ещё раз
и вздрогнул, отрицая на мгновенье,
что всё случилось: разговор, отказ;
и замер на момент в печальном изумленьи.

Застыл, представив всё, но вроде бы
ожил, отбил удар, и шаг ускорил,
и, глядя вверх на птицу, позабыл
одну из множества нацеленных историй.

Но вот опять хлопок и вспышки свет,
история иная ... странно, с птицей
пришло собрание из дальних лет,
где громко выступал ... и было б чем гордиться.

Почти не верил в то, что говорил,
но верил в то, что говорить так надо:
очерчен путь по линиям перил
у лестницы, где сверху может ждать награда.

А впрочем, не обидел никого,
себя чуть-чуть - тогда так показалось;
полюстил чрезмерно - ну и что с того?
как это далеко, да и какая малость.

Чрез сорок - или больше - лет спустя,
из миллионов километров где-то
вдруг прилетело с птицею, хотя
и помнит вряд ли кто, а многих уж и нету.

... Приём какой-то, с музыкою зал,
в нем одиноко среди лиц беспечных;
усталым от движения глазам
кого-то хочется найти, пусть скоротечно

поговорить о чём-нибудь пустом,
чтоб просто одному не быть, наверно.
Спросил, возможно, и не так, и не о том -
ответили с усмешкою высокомерной.

Но вежливую колкость не нашел,
потом слова пришли на ум, конечно,
одел как будто на себя чехол,
ушел, ... казалось, так со мной бывает вечно.

Сейчас слова мелькнули те опять;
изобретенный голос мой холодный
пытался ту подавленность забрать.
И вновь пришло: как быть нельзя в чехле
свободным.

Какие вроде мелочи! - но бьют
и часто, и прицельно, и внезапно;
совсем нетрудно внутренний уют
нарушить им из времени иного залпом.

... Особенного нету ничего
ни в небесах, ни в соснах у тропинки,
во времени течения моего,
ни даже в телефона красочной картинке.

События, что были так давно,
- а многие и вовсе эпизоды -
должны забыться; кости домино
поблекнуть и стереться за былые годы.

... Но, может, это всё-таки тропа:
пусть и в лесу, но небесам открыта;
маршрут, к несчастью, видимо, совпал
со спутника, что шлет лучи, орбитой.

Летает, смотрит и внутри хранит
записанные цифрами моменты,
и шлёт, когда захочет, коды вниз,
и пуля поражает памяти фрагменты.

... Мне кто-то раньше мудро говорил:
Хорошее лишь вспоминаться будет.
И до тихонько вкравшейся поры
так всё и было. Не судил себя, и судей

старался внутрь не впускать к себе -
хоть были рядом, и не надо гуглить.
Не разрешал раздумий кочерге
тревожить в глубине мерцающие угли,

поспешно выгонял все, что могло,
затмить маяк успеха и комфорта.
Так было легче: собирать тепло
от факела в руке везения простёртой.

Так почему иное бьёт сейчас,
пусть тишина или ветра подули,
как будто кто-то придавил к плечам
магнит, что манит излучение и пули?

... Возможно, стоит поменять маршрут
на тот, что в поле, где людей немного;
там, может, больше выпадет минут,
когда вверху спокойно, а дорога

напомнит почему-то день в горах,
как заблудились, как шли наудачу,
и приключенья радость, а не страх,
и молодость, и виноград, и фляжку с чачей.

И это будет плавным, как в кино:
картинка гор входить в полей участки;
и мудрость, прозвучавшая давно,
окажется верна, пусть не всегда, но часто.

...А не получится - то хоть найти тропу,
где нет бывшего знаков и пророчеств -
а если и видны сквозь пустоту -
то очень смутно, далеко и как бы впрочем.

Гулять, надеясь что защищено
сознание - пусть не каской, пусть фуражкой,
забыть надеясь голос тот.

Но заодно

не вспомнить вид с горы и старенькую фляжку.

Март 2024

Запинка

запинка в речи
затихший голос
после
местоимения
перед глаголом
тишина
не знаю
зачем замолчал
продолжить как
и надо ли
и почему она

затянута пауза
перерыв
за нею
молчание
стена
по обе стороны
обрыв
жалею
что затих
но не продолжить
и почему она

Март 2024

Победители

Они побеждают,
они наступают,
они топчут жертвы,
и снова грозят.
И мозг от бессилия
вдаль улетает:
как быть же так может,
как мир стал горбат.

Они врут всё время,
то тонко, то грубо,
но бьют в те же точки,
и бьют без конца.
От этих ударов
раздавлены губы,
взрываются уши
и скачут сердца.

Ещё у кого-то,
точнее, у многих
от этих ударов
мозги набекрень.
Им слишком заумны
теории логик.
Теории веры:
что ночь - это день,

бандит - это жертва,
в убийстве есть правда,
земля эта - наша,
всегда и везде -
они принимают;
их разум отравлен,
и ходят послушно
в прозрачной узде.

Верёвок и нитей
своих же не видят -
ну, жмут иногда им,
впиваются в бок.
Лицо скрыто маской,
как-бы от ковида,
и всё по команде,
и выдох и вдох.

Другим эта ложь
и нужна очень мало:
они со своими,
хотелось всегда.
Насколько же легче
им праздновать стало
всё новые шеи,
что тянет узда.

Всех ненависть гложет
к богатым и умным,
живущим иначе,
не с теми, не так.
И с завистью смотрят
на вражеский рубль,
в кармане имея
истёртый пятак:

как нас унижают,
и в зал не пускают,
а держат на кухне
и в морду плюют.
А если и кормят -
гнилыми кусками,
вино же с икрой
вообще не дают.

Те, кто управляет,
и те, кто шагает,
и кто погоняет -
кричат про войну.
Святую, конечно,
со злыми врагами,
которые всюду.
И мир на кону.

Они убивают
под эти припевы,
в тумане абсурда
и в ливнях вранья.
И грудь разрывают
то справа, то слева,
и душат, как будто
в обхвате змея.

Туман накрывает
и тех, кто пока что
считает себя
не совсем со зверьми.
Но все же их жалко:
едят скудно - кашку,
а пьют - самогонку;
свербит: накорми.

Что гадят и грабят,
ну, и, убивают -
так это, наверно,
им жизнь тяжела.
Им так доставалось,
и всяко бывало.
Что нас ненавидят -
ну, ведь, не со зла.

Их все не любили,
давно угнетали,
земли не хватало,
всегда и сейчас.
Им надо дать землю
и щит из металла -
им, может, придётся
её защищать.

Им надо икру дать,
и комнату с видом
в отстроенном доме
своём предложить.
Как станем жить вместе -
забудут обиды,
поймут, что не нужно
стрелять, но любить.

Они соглашаются,
в доме воруют,
и требуют дать им
крупнее икры.
А комнату заняв,
глядят на другую,
без спросу меняют
в гостиной ковры.

Они побеждают.
И что же нам делать?
Всё меньше есть тех,
Кто на что-то готов.

... И красится снова
всё черное белым,
и черное лезет
за новый засов.

Март 2024

Утренний сон

I.

Заснуть на полчаса под утро
и оказаться в светлом дне,
где воздух цвета перламутра,
а неба нету в вышине.

Нормальным кажется, что нету -
как нет земли внизу совсем.
Он так естественен - весь этот
из светлой пустоты бассейн.

В нем плавать иль ногами просто
перебирать, вися в нигде,
и ни ребёнком и ни взрослым -
как славно начинать так день:

ни брошенным и ни любимым,
ни скромником, ни гордецом;
и ни дары и ни обиды
не вспомнить жестом и лицом.

И нет людей, и это тоже
приятно - видно, оттого,
что только там покой возможен,
где ничего и никого.

II.

Но непременно мир ударит,
покоя ранив пустоту,
сначала ковриком с кругами
и привкусом ночным во рту;

привычно-блеклыми следами
подтеков старых на стене,
картиной, что висит годами,
и темной шторой на окне.

Потом неловким шагом громким
(раздвинуть штору и назад)
и светом ярким, что соломки
заставит промелькнуть в глазах.

Металла лязгом, голосами:
всё режет ухо после сна,
неосторожностью касаний
к вещам, что комната полна.

Но постепенно боль утихнет,
и высохнет из сна бассейн,
и день похоже-светлый вспыхнет
снаружи этих бледных стен.

Похож, но не легки движенья,
а отблеск перламутра сник.
И неба в луже отраженье
внизу, и виден солнца блик.

Утяжелённая походка
привычно низко от земли,
привязан будто бы к лебёдке,
чьи обороты тяжелы.

И если двигаюсь куда-то,
то направление дано
приказом свыше, как солдату,
неважно, верно ли оно.

III.

Но, странно, так же в этом мире
не знаю, взрослый иль дитя,
всегда ли дважды два четыре,
что потерял, приобрета.

Не знаю, я любим иль брошен:
забыл как знаки различать,
как составлять кусок из крошек
и ставить на него печать.

Не знаю, стоит ли гордиться
тому, кем был и кем слышу,
что падал в мутную водицу,
но оставался на плаву.

Не знаю, уж такой ли скромник:
из строя всё же выходил,
и брёл не часто как паломник,
и молча в грудь себя не бил.

Тех помню смутно, что дарили,
несильно тех, кто обижал,
и благодарности остыли,
и выдернут обид кинжал.

IV.

Конечно, он в чертах отличен -
текущий день от дня, что в сне:
там мир в покое безразличен,
здесь безразличие во мне.

Там - ровен мир и обезличен,
там ясность - в светлой полутьме,
и мир покоя безграничен.
А здесь - границы есть - во мне.

Я там плыву, а здесь иду я,
бегом куда-нибудь спешу,
там тихо и ветра не дуют,
а здесь всегда какой-то шум.

V.

Но всё-таки они похожи -
сон утренний и мир вокруг:
легко представить, что здесь тоже
нет никого; ни враг, ни друг,

и ни прохожий с быстрым взглядом,
ни женщина с искрой в глазах -
никто не очутится рядом
хотя бы что-нибудь сказать.

Тогда, ведь - ничего и нету,
пейзажи без красот и драм.
Одну вчерашнюю газету
читать с конца назло годам.

Нет разницы, где мир представить -
во сне иль выйдя за порог:
там я в нигде, и здесь - местами,
там никакой, а здесь что смог?

VI.

А к вечеру - спокоен или колет воздух,
ущербна или желтизной полна луна -
брести домой, лечь рано - как тогда -
и поздно
проснуться ночью.
И ждать утреннего сна.

Апрель 2024

Триптих

Слева город, размыто-знакомый.

В центре лица за тонкой прозрачной стеной.

Справа дверь с прикрепленной подковой.

И не в трёх, а в одной светлой рамке резной.

Апрель 2024

Прощение

Свет наверху или серенький дождь;
завтра, в четверг, в воскресенье -
ко мне всё равно ты когда-то придёшь,
чтоб попросить прощения.

Жду на крыльце и боюсь - птиц галдёж
скроет шагов приближение:
наверное, тихо ко мне ты придёшь,
чтоб попросить прощения.

И телефон стал уже нехорош,
нет ни звонка, ни сообщения:
посмотришь, всё скажешь - когда ты придёшь,
чтоб попросить прощения.

Время от времени паники дрожь:
вроде, шаги в отдалении.
Отходит потом: всё идёшь ... и идёшь,
может, просить прощения.

Апрель 2024

Венеция

Встать рано утром,
когда ещё темно,
но не спится:

разница
во времени.

Выйти из гостиницы,

в расходящейся
темени

увидеть канал,

путь к нему
между стенами
бледных домов,

где упал

вечный вечер.

На улице,
у которой так близко
края,

тяжело было бы
разойтись,

но никто
не идёт
навстречу.

Это потом -
не пройти
ни столкнувшись,

нигде,

а сейчас
только кто-то вдали
крупной точкой бредёт

как и я -

будто тянет магнитом -

к воде.

Сине-грязной,
почему-то кажется,
что холодной,

почему-то кажется -
неглубокой;

грязноватые чайки,
что вечно голодны,

кричат
недовольно:

свидетели
прошлого,

голода,
праздненства
и порока.

Так и было всегда:

дуги в красных оборках -
мосты,

то зажатые,
то будто реки -
каналы,

купола
безупречных соборов
с особыми знаками,

дворцы
со скульптурами,
чуть приоткрывшими
рты,

и фасады домов -

которые то обветшалы,

то модно
накрашены.

Впрочем, их старость
внутри одинакова,

и за новую краскою

те же духи и запахи
что обитали
веками там раньше, но

люди другие

на улицах,
в темных гондолах
ходили,
гребли,
дрались
и любили.

... А свет атакует,
пока что с ним взводы,
но скоро придут
полки и бригады,
идушие строем
иль врассыпную;
и разных народов
мешается с говором говор,
а цель всё одна:
захватить
эту воду,
каналы,
гондолы,
дворцы,
и дома,
с ними запахи, духи -
весь город.

... Что ж, быстрее дойти,

постоять на мосту,

опустив взгляд на воду,
на улицы в стороны,

где ещё не узреть суету;

на уже разноцветные,

пусть чуть мутные,

но еще не прикрытые
морем людей,
пробуждения ждущие

здания.

На мосту постоять,
бормоча про себя

почему-то:

вот и, кажется,
выполнил,

что мне было предписано

в жизни,

задание.

Май 2024

Наполовину

Решил - но невнятно, а наполовину,
как водою вино развести:
никто не пришёл хоть с какой-то повинной,
да и некому было придти;

решил - брешь пробить в заведённом порядке,
если что - чуть назад отгрести:
ни голосом твёрдым, ни робко, украдкой,
не промолвит никто: "Ах, прости."

Ушёл - и колышется дверь, приоткрыта,
как без рифмы болтается стих,
но кажутся слишком малы габариты,
чтоб назад с кем-то вместе впустить.

Май 2024

Savannah, Georgia

Испанский
мох -

растение,
что совсем
и не из Испании,

и вовсе не мох -
рассыпал в огромных
деревьях
неяркие гроздья;

и некою хитростью
смог

уютно пристроится в них,
будто бы на кровати
в зашторенной
спальне.

Деревья от этого
кажутся много
древнее,

были будто бы
возле

забытых селений
посажены.

А сейчас
им намного
грустнее -

или только так
кажется.

Их кронами нежно
прикрытое небо
всё же светится

в причудливых формах
синих проёмов,

которые,
как и деревья,
и ветки их,

и дома по
бокам
разноцветные

в драматичных
надломах -

тоже часть
прошлой жизни
и позапрошлого века.

Оттуда же
площади-парки

со скамейками
ветхими:

то ли влюблённым,
то ли бездомным
подарки.

Когда-то всё это, наверное,
было так близко
к вечности.

Ушедшая медленно жизнь.

И время ушедшее.

Май 2024

Портрет - 6

Стоящий на краю обрыва из песка,
или на каменной скале
над морем,

или дошедший до конца пути,
где впереди сплошное поле
без дорог:

он кажется достиг всего,
чего хотел, пришел туда, куда
себе позволил,

или куда вели другие
(и не противился -
да вряд ли бы и смог).

Пытаясь голову прочистить,
смотрит вдаль -
но будто бы закрытыми глазами,

не ожидая впереди найти
сигналы жертв, сражений,
почестей, наград.

Так, замерев у края,
всё стоит - минутами, потом
неделями, годами,

не совершая лёгкий шаг вперёд - в ничто;
не возвращаясь в никуда -
назад.

Май 2024

Из камня ...

Из камня большие надолбы,
через них не пройти ... отбой.
А, впрочем, и так уже надо ли -
куда мы идём с тобой?

Вернуться в начало истории? -
не будет, увы, другой.
Наморщили лбы - а стоит ли -
куда мы идём с тобой?

Хоть блекли цвета на знамени,
и белый, и голубой,
несли, будто точно знали мы
зачем нам оно с тобой.

Застыли, глаза отведены:
туманит вопроса боль.
Ничем отгонишь ведь его:
куда мы пришли с тобой?

Май 2024

Не заходи за черту ...

Не заходи за черту на тропе -
стоп.
Пусть и за нею дорожка тебя манит
в лес:
эта одна из коварных таких
троп,
что исчезает внезапно; и с нею
исчез,

не понимая, где выход, и где
вход,
и почему не колышется сквозь ветки
свет;
было минуту назад светло -
и вот -
нет ничего впереди, также и сзади
нет.

Хуже всего - что не проверить
уже,
что же там все-таки было, и что есть
теперь:
будто бы в лифте застрял на чужом
этаже;
вверх не идет, а внизу не откроется
дверь.

Не заходи за черту, а вспомни
знак -
чтоб это ни было: тихое слово
иль взгляд.
Что идти надо только вперед -
не так.
Остановись у черты и поверни
назад.

Май 2024

Дождь

Тихий дождь, почти неслышный;
если не глядеть в окно -
не узнать, что дождь ... там лишний:
за окном всё решено.

Там спокойствие прошито
нитьями белесых струй,
но нужна плаща защита -
хоть купи, хоть уворуй.

Не добыть мне плащ, я знаю:
было шансов уж полно.
... Капель звук не проникает
и зашторено окно.

Июнь 2024

Вряд ли изменится ...

Вряд ли изменится птиц полифония,
вряд ли тональности станут иными:
вечные песни свободы и воли, и
вечные звуки, что были доньше.

Вряд ли еще станет воздух прозрачнее:
брежит итак сквозь него бесконечность -
там был я раньше уже, и не раз еще
буду, как будто бинокль нашедший.

Вряд ли всё это когда-то изменится:
как в голограмме в огромном музее
мелочь нарушить никто не осмелится;
если попробует - вряд ли сумеет.

Разве что щелкнет внутри замыкание,
вспыхнет внезапно, скорей всего, ночью;
от проводов оголённых касания
станет мгновенно музей обесточен.

Ну, а потом, ток изменит движение
и потечет чуть уныло обратно,
сменится в песнях покой раздражением -
что было вечного в них - непонятно.

Новое вечное: в нотах волнение,
в партиях птиц резкий звук диссонансов,
звук переходов: от небыли к небыли,
от нежной сказки - и в антипространство.

Воздух плотнее, темнее окажется,
и горизонт серым перед глазами,
скрытой тревогою колющий, так же как
света мерцанье в покинутом зале.

Всё ж как легко поменять экспозицию,
лазерный луч перевести в голограмме;
сделает что-то он с давними лицами:
были всегда - и вот больше не с нами.

Как, почему, кто посмел переставить всё -
лица и птиц, замутить светлый воздух?
От сожаленья, неверья, от зависти,
от пониманья, что было всё поздно?

Вряд ли теперь все обратно изменится:
вольные песни и взгляд в бесконечность.
Видно, надолго вокруг затемнение
и пустота после ночи ушедшей.

Июнь 2024

Предпочтения

Никто не обязан часами
слушать
Стравинского
или *Бернштейна*
пока вконец не устанут
поникшие красные
уши
от в музыке скрытой
тайны.

Или *Штраусов*,
ну каких-то там
то ли *Йоганна*
то ли *Рихарда*.

Или (на худой конец)
Чайковского
(*Петра Ильича*)
от гордости
как на параде
чуть не крича.

Разве хуже те кто

голодают
чтоб попасть на концерт
Тэйлор Свифт
или красят волосы синим
всласть
получают двойки
по пению
выводя
из терпения
целый класс
бормоча слова
без усилий
походить чтоб на
Эйлиш (Билли).

Или музыкой
лучшей считают
прости господи рэп

но им хорошо,
научились ругаться как следует
и никто не оглох
не ослеп.

Не обязательно прочитать

обладателей премий
литературных
ну разве что *Дилана (Боба)*
большинство остальных
бесконечно
культурных
сочиняют
скорей для себя
и особо
для членов
комитетов по премиям
будто бы бьют
их по темени
после чего
наградишь что угодно
или угодно
кого.

Некоторые правда пишут
про мир и войну
внутри и снаружи
так что хочется думать
но это и хуже
раздумья к хорошему
не приводят
слышал от них даже
портятся зубы
вроде.

Разве неправы те кто

читает *Кинга*
(*Стивена*)
Малую землю
Возрождение
с *Целиной*
(не припомню автора
имени
но оно глубоко в душе
и всегда
со мной).

Или лежат на пляже
закрыв лицо от солнца
книгой
о самопомощи.

Или вот что ещё
запираются в ванной
перечитать
Пятьдесят оттенков серого
где доброе вечное густо
посеяно.

Никто не обязан считать
что круто красиво
смотреть фильмы
Куросавы (Акиро)
Антониони
Феллини и
Пазолини
Михалкова
(поди угадай
какого)
еще *Бертолуччи*.

Разве они лучше

всех тех кто
смотрит *Барби*
Человеков и *Пауков*
Невозможные миссии
как бы в запое
или в ремиссии.

Или тех кто
лежит на пляже
закрыв лицо телефоном
от солнечных токов
в тысячу вольт
и глядя в экран
волнуется
а выживет ли
Шварценеггер (Арнольд).

Иль запираются в ванной
пересмотреть
Пятьдесят оттенков серого
чтоб пережить
ещё раз
провидением данную
тонкость актеров игры
душою ли телом ли.

Никто не обязан
ходить кругами возле
скульптур *Джакометти*
и лицезреть их
каждый раз
с новой точки
вдруг видимость
лучше
и восхищаться
хотя может быть
не вполне
и пристало
тем сколько стоят
в валюте
эти вдале ходоки
из металла.

Или направить
бинокль
куда-то к *Джоконде*
в *Лувре* и видеть
слегка повернутый
профиль
дамы из атакующей
агит-бригады
во главе
с командиром-гидом
и вдохновлённым быть
этим видом
и думать
а может так вот и надо.

Или ночью зайти в музей
на постой
в зал где
Красной квадрат
Малевича
вроде как и простой
но это не так.
В темноте ночами
душой
не глазами
осмыслить его
много легче чем
длинными днями
в подсвеченном зале.

Разве хуже те

кто смотрит в парке
на как бы живое
скульптуры
весло
у *Девушки с (этим) веслом*
и счастлив что девушку
всё же не встретил
ох пронесло.

Или кто смотрит на
Утро в сосновом лесу
на обёртке
конфетной
предвкушая глотанье
медведей
и леса.

Или на черепа
Верещагина
на коробкЕ
сигаретном
от которых
слащавые
мысли приходят
ну всё это
к бесу.

Иль (на худой конец)
на мириады
фрагментов
Серебряковой шедевра
Баня
всё время
новое в нём открывая
переживая экстаза
моменты
и радуясь что
картину пока надзор
не забанил.

Никто не обязан читать

эти стихи
(так называемые)
тем более их учить наизусть
так поступать и вовсе
не призываю я.

Разве хуже те

кто читает *Пушкина*
или того будет пуще же
Маяковского
(*Владимира*
кстати
Владимировича)
с его пресловутым
Облаком
(в каких-то ещё *Штанах*)
других таких
попробуй-ка
найди ещё
невзирая на то
что оба
были с низким
моральным
обликом.

Но призову в заключение
к

Разнообразию
Равенству
и
Включению

в
Учёбе
Труде
и
Влечениях.

Июль 2024

Сторожевая будка

I

Сторожевая будка у ворот.
Без стражников, пустая.
Сбежали, видимо, давно
и всё с собою унесли.
Ворота приоткрыты - заходи любой;
там, за вратами,
возможно, город, что искали мы,
возможно, что нашли.

Прямая улица, в конце тупик;
не очень много солнца,
не очень много зелени, цветов,
и нет людей совсем.
Собака вдалеке кругами бродит,
будто бы пасётся,
на красном доме в стороне -
часы - и стрелки в позе "семь."

Часы остановились - а когда:
три дня назад иль года -
понять нельзя, да и зачем:
то время, что не нужно, увели,
а сохранилось только то,
что стрелок посреди развода:
возможно - время, что искали мы,
возможно, что нашли.

Фасад у дома явно староват
и просит свежей краски,
в проеме, где часы, осталось
круглое гнездо от птиц,
и что-то в этом доме есть от старой
страшноватой сказки:
там, кажется, полно внутри
волшебных комнат и темниц.

Сквозь маленькие окна не видать
что там на самом деле;
прогнила дверь, но нет сомнений -
зайти вовнутрь надо ли:
ведь этот дом в пустынном городе,
равнины на пределе,
возможно, зданье, что искали мы,
возможно, что нашли.

II

Темно за дверью, кажется, фойе,
наощупь - стол и лампа.
Зажгли: чуть виден длинный коридор,
с дверями и пустой.
А на столе - записка - никому -
что ж, может быть, и нам-то;
ключ для какой-то комнаты,
но не написано какой.

Зато написано, что угадать ту дверь
один лишь шанс даётся,
а если нет, то ключ сломается затем
в любой двери.
Мы взяли ключ, шагнули в коридор
как в темноту колодца:
возможно, рядом, что искали мы,
возможно, что нашли.

Налево дверь: давно сошёл весь лак
и паутина трещин,
и покосилась, еле держится замок ...
нет, вряд ли та:
не может быть за нею место для
непостижимой вещи,
знакома слишком эта
дерева гнилого чернота.

Наискосок другая: избылье
                                ржавого металла,
висит замок огромный, тоже ржавый,
                                с дыркой для ключа;
и сразу всякое желание
                                попробовать пропало:
ведь если дверь откроется,
                                то диким звуком грохоча.

Но дверь в торце ... за нею, чувствуем,
                                таиться может что-то,
не знаем почему, но манят
                                тусклым блеском красный лак
и надпись блеклая: "Открыть ключом.
                                Бюро любых расчетов."
Возможно, их-то мы искали -
                                пусть не уверены, что так.

А вдруг - ловушка, хитрый трюк, чтобы
                                сложилось всё как будто?
И вот сомненье: тот ли город,
                                тот ли дом, и та ли дверь.
Но поздно уходить назад:
                                опять сторожевая будка,
пустая и пугающая
                                этой пустотой теперь.

III

Ключ в скважину вошел и повернулся
                                тихо, мягко, словно
дверь, наконец, дождалась тех,
                                кто здесь, чтобы открыть её;
ждать было тяжко ей в местечке, где
                                не только нет бездомных,
но и не видно тех, кто мог бы
                                покидать своё жильё.

Полу-открылась дверь -
и сразу наши отражения сбоку
видны в огромном зеркале,
которое и есть стена;
а полностью когда вошли,
то будто рубануло током:
повсюду только мы
и зеркала, ни одного окна.

Захлопнулась за нами сразу дверь,
заключены в пространстве,
где миллионы нас
и больше ничего и никого.
Застыли, замерли, глаза закрыли,
оказались в трансе:
вот это ли искали мы,
и есть ли выход из него?

Глаза открыли, всё ж надеясь,
что ответ и пониманье
найдутся в этих миллионах
разных, но похожих лиц -
то близко, то вдали,
то нами будучи, а то не нами,
то маленьким овалом, а то глазом
с прутьями ресниц.

Их - наши - выражения
преображаются моментом:
в решимости, в отчаянии,
в надежде, и совсем не в чём
их видно; все и всюду: справа,
слева, и вверху заметны,
и даже на полу - везде,
как стаи деловитых пчёл.

Любой расчет на выбор за дверьми -
в записке написали;
всего осталось столько позади,
и близко, и вдали.
С кем рассчитаться в город шли - и с чем -
мы в точности не знали.
Себя в различных обликах -
вот это все, что мы нашли.

Наверно, ипостась - одну из многих,
но, одну - искали,
свою - когда б её найти, то легче
стало б, может быть,
прощения просить или простить -
с улыбкой, но в печали,
и вспомнить, наконец, о чём всегда боялись -
и забыть.

В каком же из зеркал, в какой проекции,
и рядом с кем же
вот это характерное лицо
и просветлённый взгляд?
Мелькают и меняются черты
метелью; в вихре снежном
кружится всё: и голова, и мысли в ней.
И нет пути назад.

IV

На зеркале внизу вдруг
обозначился прямоугольник:
похоже, дверь, но и не та,
через которую вошли.
Вот шанс печально протрезветь,
побыв в забвении алкогольном,
уйти из комнаты, поняв,
что ничего в ней не нашли.

Толкнули - точно, дверь. Кругом -
как на знакомом фото вроде:
на улице пустынно,
серо, и недобро в небесах.
И снова нету никого,
и только пес все так же бродит,
и красноватый дом,
и та же поза стрелок на часах.

Что ж мы нашли за будкой у ворот?
Наверно, это время,
наверно, дом, записку, комнату;
и повезло с ключом.
Возможно, в этот город шли
подбить итог со всем и всеми.
Но комната и зеркала -
о ком то было и о чем?

... Сторожевая будка у ворот -
естественно, пустая,
скамья прибита к полу, будто в
многовековой пыли.
Блеснуло: ведь, возможно,
эту будку всё же и искали.
И можно выдохнуть:
теперь уж точно мы её нашли.

Остались в будке, стёрли пыль,
зажгли огонь, подбили мебель.
Решили охранять - часы, и комнату,
себя в тех зеркалах.
... По вечерам, усевшись у огня,
глядя на звезды в небе,
гадаем: от кого ж хранить?
... и стынет медленно зола.

Июль 2024

Песни

Хватать уходящие песни,
сначала цепляясь за ноты,
висящие в воздухе - здесь ли,
на старом с гитарою фото,

едва различимые или
в аккордах на скромном концерте,
терпевших и годы и мили
нервущейся тонкою цепью.

Потом уцепившись за тексты,
хотя б за отдельные строки,
и, кажется, чаще за те, что
писать было больше мороки -

в тетрадах, почти что истлевших,
чернилами, словно без цвета,
но всё же пропасть не успевших,
как школьная та стенгазета.

Затем голоса, рядом вроде,
забытые... но вот так близко;
пусть путали ноты мелодий -
но лучше любого артиста.

Цепляясь за звуки и лица -
конечно же, лица остались -
в моменте, что редко, но снится ...
не знаю, вот, что с ними стало.

Не знаю, звучат голоса их
еще где-то там или смолкли;
лицо попытаюсь представить -
и звуком кольнёт, как иголкой.

И это лицо ... в чьём владении
теперь оно - тоже не знаю,
и стало ли прежнего тенью
от песен былых убегая.

Вот ноты - они неизменны,
и строчки - те вплавлены в память ...
и легче понять всему цену,
за старые песни хватаясь.

Август 2024

Пробоина

Две рядом в стене пробоины -
недавних снарядов след.
Стреляли в меня обоими.
Пока не попали, нет.

Успел убежать и спрятаться,
заслышав свистящий звук.
Сегодня четверг, не пятница -
обычно не больше двух.

Недели в конце опаснее,
а в праздник - страшней ещё:
так просто тогда попасть им и
бить в сердце, а не в плечо.

Стена в дырах вся, качается;
заделывать нету сил.
Просил мне помочь в отчаяньи -
но, видно, не тех просил.

Просил мира, хоть какого бы,
улыбку, любой пустяк;
мезузами и подковами
обвешал дверной косяк.

Но так же удары хлопают,
им весело за стеной.
... Цемент собираю крохами -
для новой, еще одной.

Август 2024

Руки

Рукам твоим не хватает нежности,
рукам твоим не хватает лёгкости.
Изучили законы прилежности;
не дались ласки правила вовсе им.

Словам твоим не хватает ясности;
бывают, всё же, в меня нацелены.
Знаешь надо бы Что сказать, Как спасти -
но вот только укоры пристрелены.

С другими - знаю - помнила правила,
часто их применяла на практике.
Тебя здорово это забавило,
но потом улеглось ... эти кастинги ...

Теперь руки твои чаще мёрзнут, и
чуть флиртуя, ко мне тянешь, чтобы согреть их;
вряд ли нежными станут - не поздно ли? -
и мне это - увы - во-вторых или в-третьих.

Октябрь 2024

Уже нечасто звоню друзьям ...

Уже нечасто звоню друзьям. Не хочется.
Хотя иногда что-то вдруг наплывает.
Мне тоже почти не звонят - но не корчусь я.
Раньше думал, что так быть не может. Бывает.

Всё больше по лесу гуляю: ведь в городе
могу с кем то давним столкнуться случайно.
Подальше держусь - не от страха иль гордости:
я покинул чужие квартиры. С вещами.

И редко, без красок, о бывших задумаюсь.
Красивые ... правда. Жаль, их было мало.
Казалось, без каждой жить буду под дулом я,
и вот-вот громыхнёт из ружья. Не стреляло.

Пытаюсь понять - и куда ж занесло меня ...
Ещё - почему: предписанием судеб?
Вроде знаю теперь, Что пропало иль сломано.
Починить нету сил только вовсе. Не будет.

12 Октября 2024 (Йом Киппур)